

С альтернативным взглядом

[Игорь Архипов.](#)

Проблемы государственного вмешательства в экономику и функционирование общественных институтов сохраняют в том числе и исследовательскую актуальность

Иллюстрация: архив «Эксперта С-3»

В Санкт-Петербурге состоялась X Международная конференция «Леонтьевские чтения», организованная Международным центром социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» и правительством города. Несмотря на то что тема конференции – «Экономическая мысль: разнообразие концепций и сфер применения» – звучит весьма академично, ряд выступлений экономистов, политологов и общественных деятелей был посвящен острым и явно актуальным проблемам.

Не только мейнстрим

Концепция Леонтьевских чтений в последние годы все более ориентируется на обсуждение методологических проблем экономической науки, рассмотрение различных концепций и парадигм. Между тем в ходе первых пяти конференций основной акцент делался на рассмотрении опыта экономических реформ в России, актуальных проблем экономического развития Петербурга и страны в целом, влияния глобализации на этот процесс.

«Нас все больше интересует связь экономической теории с правом, различными институтами и историей, – отмечает директор-координатор научно-исследовательских программ Леонтьевского центра Леонид Лимонов. – Как известно, неоклассическая экономическая теория составляет в настоящее время так называемый мейнстрим – это то, о чем пишут все крупные международные журналы и что более или менее успешно начинает формироваться в России как научная школа. Подходы неоклассики подразумевают, что любой экономический анализ должен основываться на математической модели, проверяться статистикой и по возможности эконометрикой, опираться на некие базовые аксиомы: об ограниченной рациональности поведения человека, о предельных полезностях, об издержках и т.д. Но мы видим, что вопросы, которые влияют на экономическое развитие страны (зависимость от истории, традиций, этики, культуры, от институтов и инерционности их развития), остаются вне неоклассической парадигмы».

По словам Лимонова, обсуждение альтернативных неоклассике концепций и возможностей «обогащать экономическую науку – это не просто праздный вопрос внутри чистого теоретизирования». Его актуальность связана с попытками ученых-экономистов понять, что обуславливает экономическое развитие России (и других стран), и анализом большой повестки реформ, которые предполагалось осуществить в 1990-х – первой половине 2000-х годов, причин, почему какие-то из них оказались удачными, а какие-то – нет. «Объяснить это неоклассической экономикой невозможно, а объяснить надо, –

говорит Леонид Лимонов. – Поэтому мы выстраиваем такие конференции, чтобы разобраться с провалами, сопровождавшими попытки реформировать нашу экономическую систему. Без этого невозможно решить в научном отношении проблему модернизации, понять, почему одни общества модернизируются, другие плохо этому поддаются, а некоторые, есть подозрение, не поддаются вообще».

В качестве основной альтернативы неоклассической концепции на чтениях рассматривалась австрийская экономическая школа, олицетворяемая ее основоположниками – австрийскими учеными Людвигом фон Мизесом и Фридрихом фон Хайеком. «Альтернативное видение мира» сторонников этой школы предполагает, что в государстве больше зла, чем пользы, что мир должен избавиться от таких регулирующих учреждений, как центральные банки, и перейти на «золотой стандарт» или даже «частные деньги». Принципиально важная установка «австрийцев» – они отвергают претензии экономистов на научное прогнозирование будущего и, что особенно важно, на разработку и руководство государственными программами, препятствующими свободному обмену товарами, услугами и информацией.

«Подрывная» неформальность

Организаторы конференции, формируя программу, удачно совместили рассмотрение идей австрийской школы (в некоторой степени напоминающих либеральную утопию) не только с современными неоклассическими подходами, но и с многогранной реальностью функционирования в России политических, властных, правовых, социокультурных институтов. Выступления в рамках секции «Институты: теория и практика» отличались особой остротой постановки проблем, имеющих отнюдь не теоретическое значение.

В частности, это относится к докладу профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге Владимира Гельмана «„Подрывные институты“ и неформальное управление в современной России». По его мнению, в постсоветской России определяющую роль играет укоренившееся, по сути, во всех общественных сферах переплетение институтов формальных, представляющих собой внешнюю оболочку, и неформальных, которые оказываются в каждом случае ядром, определяющим действительный характер и направленность функционирования институтов. Неформальные институты – «неписаные правила, которые создаются, передаются и поддерживаются за пределами официально санкционированных каналов», – подменяя формальные правила, приводят к негативным эффектам в политике, экономике, обществе (коррупция, клиентелизм, клановость, селективное применение права госаппаратом и т.п.). «Подрывными» они оказываются в силу того, что, воздействуя на формальную оболочку, «паразитируя» изнутри, как бактерии, подрывают нормальное функционирование официальных институтов.

Показательный пример: современное российское избирательное законодательство и практика его применения превратили формальный институт выборов в «фасад электорального авторитаризма». Подмена сути демократических процедур (как в свое время это происходило с «советским парламентаризмом») играет «подрывную» роль и может повлечь за собой крах политического режима.

Другой пример актуального неформального института – бюджетное регулирование в российских регионах. В его основе – создание размытых норм, которые оставляют широкое поле для маневра как губернаторам, сохраняющим свободу рук в использовании бюджетных средств, так и депутатам, имеющим возможность торга с исполнительной властью в составе «распределительных коалиций».

Нельзя однозначно утверждать, что восстановление административного потенциала государства в 2000-е годы и «постреволюционная» стабилизация способны приводить к искоренению или ослаблению «подрывных» институтов. К тому же Россия и постсоветские страны отличаются от Восточной Европы, где происходило сознательное ослабление посткоммунистических государств и «подрыв» институтов вследствие политической конкуренции, а также введения «противоядия» извне (со стороны Евросоюза).

Не слишком оптимистичен и прогноз. «Отравление» «подрывными» институтами (при том, что у значимых участников процесса отсутствуют стимулы к изменению статус-кво) может привести к длительному институциональному упадку. Гельман констатирует: «Возникает своего рода порочный круг: по мере укоренения „подрывных“ институтов снижаются шансы и на эффективность „противоядия“ со стороны государства и общества». Вопрос упирается в способность социального организма рано или поздно выработать иммунитет к «отравлениям», при этом преобладание «подрывных» институтов не может исчезнуть само по себе, без целенаправленного «лечения» – системных изменений в управлении страной.

Какой «бандит» лучше?

Профессор Высшей школы экономики Леонид Полищук, размышляя на тему защиты прав собственности и сменяемости правящих элит, сконцентрировался на анализе актуальной для России теории «стационарного бандита». Ее авторы американские экономисты Мансур Олсон и Мартин Макгир разделяют авторитарные режимы на два условных типа. «Кочующий бандит» недолго пребывает у власти, стремясь успеть прибрать к рукам больше собственности и благ, обеспечив себе «безбедную старость» на случай потери власти. А «стационарный бандит», желая сохранения власти, заинтересован в какой-то мере соблюдать право собственности из страха потерять накопленные богатства (это даже более важный мотив, чем создание гарантий для прихода инвестиций в страну). Поэтому, считает Полищук, в авторитарных странах может существовать ротация кадров, которая посредством страха заставляет чиновников хоть как-то сохранять основы института частной собственности. И в перспективе построенный на двух этих принципах механизм способен привести к демократизации страны.

Понятие «стационарный бандит» оказалось не чуждо самоидентификации Анатолия Чубайса, главы «Роснано» и первого президента Леонтьевского центра. По его словам, «Роснано», стремясь создать инновационную экономику, «крышует» российские компании от «бандитов», «ментов» и конкурентов и с научной точки зрения его деятельность в определенном смысле можно назвать деятельностью «стационарного бандита». Чубайс убежден, что подлинный спрос на инновационную продукцию возможен лишь в рамках рыночной экономики – государство не способно ее создать директивно. Соответственно, и советская система, осуществив два глобальных инновационных проекта – освоение атомной энергии и запуск первого человека в космос, была ограничена в своем инновационном развитии. Создать же «спрос на человека» государство было не способно, и если этого не произойдет и теперь, в рамках рыночной экономики, то и в дальнейшем «мы будем делать „Запорожцы“».

Впрочем, судя по докладу старшего научного сотрудника Леонтьевского центра Льва Савулькина об исследовании отношения предпринимателей к общественным институтам и их влиянию на экономику, подавляющее большинство респондентов уверены: государство полностью доминирует над бизнесом, и его представители паразитируют за счет предпринимателей. Так, с объемами официального налогообложения сопоставимо

налогообложение теневое (взятки, поборы, расходы на «социальную ответственность»), причем его «удельный вес возрастает вслед за усилением пресловутой вертикали».

«Провальная» государственность

Президент Научно-исследовательского центра Мизеса в Минске (экс-кандидат в президенты Белоруссии на недавних выборах) экономист Ярослав Романчук проанализировал на основе опыта постсоветских стран «теорию и практику провалов государства». Следуя идеям австрийской школы, он назвал самой вредной теорию «провалов рынка», которую используют чиновники в интересах своей элитарной политики: «Это ненаучно и то же самое, что говорить о „провале кислорода“, поскольку он не способен заставить мозг работать хотя бы на 20% его потенциала». Зато имеются все предпосылки говорить о «провале государства» в ряде постсоветских стран (не в последнюю очередь – в Белоруссии и России), поскольку не исполняются многие декларируемые цели.

О низкой эффективности государства свидетельствуют такие критерии, как ограничение свободы выбора человека, уровень бедности, коррупция, низкое качество госуправления, слабая защита прав собственности, инфляция, банкротство государственных коммерческих проектов и т.д. Примечательная тенденция: в зависимости от того, сколько та или иная страна выбрала экономической свободы (по «индексу экономической свободы» Белоруссия занимает 155-е место, Россия – 143-е, Эстония – 14-е, Литва – 24-е), прослеживается связь с другими показателями и их динамикой. Например, по «индексу развития человеческого показателя» среднегодовые темпы роста (с 1990 года) оказались гораздо выше у стран Прибалтики и Восточной Европы, избравших демократический путь развития и либеральную модель экономики.

И кстати, к вопросу о «провалах государства». Интересным наблюдением поделился старший научный сотрудник Академии народного хозяйства при правительстве России Вадим Новиков. С позиций австрийской школы, сам институт антимонопольного регулирования не оправдан. В частности, в силу методологических сложностей принятия госорганами решений на основе слишком высокого уровня обобщений. Соответственно, велика вероятность, что ошибочные решения могут в большем количестве ударять по полезным практикам, чем по антиконкурентным. Анализ же деятельности Федеральной антимонопольной службы РФ за последнее десятилетие привел Новикова к выводу, что рост ее активности непосредственно коррелирует с увеличением расходов федерального бюджета. Как согласились с докладчиком и другие участники обсуждения, это достаточно характерный пример функционирования бюрократии с установкой на «демонстрируемую эффективность работы».